

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

О древнемъ фресковомъ изображеніи св. равноапостольнаго князя Владиміра во Владимірскомъ Успенскомъ соборѣ (отвѣтъ П. Л—у).

Уже въ третій разъ намъ приходится говорить объ одномъ и томъ же предметѣ, — о древнихъ изображеніяхъ св. равноапостольнаго князя Владиміра. Къ этому вынуждаютъ насъ какъ важность самого предмета, такъ и различіе, до противоположности, взглядовъ на него, могущихъ имѣть немаловажное значеніе въ практикѣ церковно-общественной жизни.

Нѣтъ сомнѣнія, что опредѣленіе древнѣйшаго и по возможности близкаго къ оригиналу изображенія св. равноапостольнаго князя Владиміра было бы весьма важно во многихъ отношеніяхъ: и въ культурно-бытовомъ, и въ церковно-археологическомъ и въ частности иконографическомъ. Костюмировка св. князя на такомъ изображеніи и ея детали были бы показателями извѣстной степени оригинальности въ русскихъ княжескихъ одеждахъ и убранствѣ и степени вліянія на нихъ византійскихъ или другихъ образцовъ; а ликъ св. просвѣтителя Руси могъ бы служить прототипомъ для иконописныхъ изображеній его.

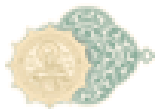
Самымъ древнимъ и наиболѣе близкимъ къ оригиналу изображеніемъ св. Владиміра считалось, до 1888 года, изображеніе князя Владиміра на монетахъ, извѣстныхъ съ его именемъ ¹⁾.

Другое древнѣйшее изображеніе св. равноапостольнаго князя Владиміра издано хромофотографически П. Н. Батюшковымъ въ книгѣ „Холмская Русь“, 1887 года, съ древнѣйшей фрески Успенскаго собора во Владимірѣ на Клязьмѣ. При фрескѣ не сохранилось никакой надписи о томъ, что это—изображеніе именно св. Владиміра; но,—по словамъ издателя,—въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія, такъ какъ съ мечемъ въ рукѣ, какъ извѣстно изъ древнѣйшихъ подлинниковъ, изображали только равноапостольнаго князя. Открытая фреска, конечно, не составляетъ портрета крестителя Русской земли; но несомнѣнно, что это—самое древнее изображеніе св. Владиміра, и если сопоставить время его княженія (980—1014 г.) съ временемъ производства живописныхъ изображеній владимірскаго собора (1161 г.), то окажется, что фреска написана въ эпоху, не столь отдаленную отъ жизни Владиміра, чтобы преданія о внѣшности его могли совершенно утратиться ²⁾. Копіи съ этой фрески вскорѣ распространены были по всей Россіи при нарочно изданныхъ къ торжеству 15 іюля 1888 года въ Москвѣ въ книжкахъ агаѳиста св. Владиміру и изданы Владимірскимъ Братствомъ св. Александра Невскаго въ количествѣ 10,000 экземпляровъ для распространенія въ народѣ ³⁾. Это же изображеніе воспроизведено было и въ юбилейномъ сборникѣ, изданномъ

¹⁾ Мнѣніе о принадлежности этихъ монетъ св. Владиміру и слѣдовательно объ изображенія на нихъ св. Владиміра больше всего обосновано въ капитальномъ трудѣ графа И. И. Толстаго: „Древнѣйшія русскія монеты великаго княжества Киевскаго“, С.-Петербургъ, 1882 года.

²⁾ „Холмская Русь“, С.-Петербургъ, 1887 г., стр. 6—7, и „объясненія къ рисункамъ“ въ этой книгѣ, стр. 13 и 14.

³⁾ „Московскія Вѣдомости“ 1888 г., № 302.

въ прошломъ году Киевской дух. Академіей въ память 900-лѣтія крещенія Руси.

Я съ своей стороны, пересматривая извѣстныя изображенія св. Владиміра, подвергъ сомнѣвію монетное изображеніе Владиміра и отдалъ предпочтеніе фресковому изображенію св. равноапостольнаго князя, какъ такому, которое наиболѣе подходитъ къ общему типу изображеній св. Владиміра и которое сохранилось лучше и отчетливѣе другихъ его изображеній ¹⁾. П. Д. (онъ же и г. Цябульскій), напротивъ, старался доказать, что древнѣйшее изображеніе св. Владиміра есть монетное, и что фреска въ Успенскомъ Соборѣ во Владимірѣ на Клязьмѣ, воспроизведенная въ книгѣ „Холмская Русь“, изображаетъ не св. Владиміра, а какого-то другаго св. князя, можетъ быть Андрея Боголюбскаго ²⁾. Эта замѣтка П. Д.—а послужила для меня однимъ изъ поводовъ къ новому пересмотру изображеній св. равноапостольнаго князя Владиміра. Результатомъ этого пересмотра была новая замѣтка, въ которой я съ большею, чѣмъ прежде, рѣшительностію доказывалъ, что древнѣйшее и наиболѣе типическое изображеніе св. Владиміра есть фресковое въ Успенскомъ соборѣ во Владимірѣ на Клязьмѣ, а не монетное ³⁾.

Впослѣдствіи оказалось, что за полемикой нашей слыдили съ напряженнымъ вниманіемъ лица, интересовавшіяся установленіемъ древнѣйшаго типа изображенія св. Владиміра, и особенно жители города Владиміра на Клязьмѣ. Послѣ появленія замѣтки П. Д.—а, одинъ корреспондентъ „Московскихъ Вѣдомостей“, выражая, вслѣдъ за П. Д.—ъ, сомнѣніе какъ въ дѣйствительной седмивѣковой древности фрески, такъ и въ подлинности изображенія на ней св. равноапостольнаго князя Владиміра, закончилъ свою корреспонденцію

¹⁾ Въ „Грудахъ Киевской дух. Академіи“ за май, 1887 года.

²⁾ Въ „Киевской Старинѣ“, за ноябрь, 1887 года.

³⁾ „Древнія изображенія св. Владиміра“ въ „Грудахъ Киевской духовной Академіи“ за іюль 1888 года в особой брошюрѣ.

словами, что если дѣйствительно относительно соборной фрески сдѣлана владимірцами ошибка, то эта ошибка очень непріятна ¹⁾). Другой корреспондентъ тѣхъ же вѣдомостей, Пав. Виноградовъ, прочитавъ вторую мою замѣтку „о древнихъ изображеніяхъ св. Владиміра“, писалъ, что, дѣйствительно, если бы владимірцами сдѣлана была ошибка относительно фрескового изображенія во владимірскомъ Успенскомъ соборѣ, то она была бы очень прискорбна. „Но слава Богу,—продолжаетъ онъ,—есть несомнѣныя ручательства, что это изображеніе есть изображеніе св. равноапостольнаго великаго князя Владиміра“,—и къ этому прибавляетъ свои собственные соображенія и доводы въ пользу подлинности фрескового изображенія св. Владиміра ²⁾).

Но П. Д. вновь настаиваетъ на своей мысли и въ новой замѣткѣ своей, помѣщенной въ „Кіевской Старинѣ“ за апрѣль сего года, опровергая мои доводы, старается доказать, что фресковое изображеніе св. князя во владимірскомъ Успенскомъ соборѣ не есть изображеніе св. равноапостольнаго князя Владиміра. А это обязываетъ насъ вновь пересмотрѣть какъ доводы въ пользу подлинности и достовѣрности фрескового изображенія св. Владиміра во владимірскомъ Успенскомъ соборѣ, такъ и возраженія П. Д.—а. Пересмотръ этого тѣмъ болѣе необходимъ, что въ настоящее время мы имѣемъ нѣкоторыя новыя данныя для ршенія вопроса, которыхъ не имѣли въ виду при общемъ обзорѣ изображеній св. Владиміра.

Главныя доказательства мои въ пользу того мнѣнія, что владимірская фреска изображаетъ св. равноапостольнаго князя Владиміра, состоятъ въ слѣдующемъ. Успенскій соборъ во Владимірѣ на Клязьмѣ, основанный великимъ княземъ Андреемъ Юрьевичемъ Боголюбскимъ въ 1158 году,

¹⁾ „Московскія Вѣдомости“ 1888 г., № 201.

²⁾ Тамъ же, № 302; „объ изображеніи св. Владиміра на фрескѣ Владимірскаго собора“ Пав. Виноградова.

быль росписанъ фресковою живописью въ 1161 году. Отъ этого времени могла сохраниться, благодаря прочности сухихъ красокъ и подмазки, и интересующая насъ фреска, не смотря на огненные и другія бѣдствія, которымъ подвергался владимірскій Успенскій соборъ, хотя по издавному рисунку и нельзя опредѣлить, дошла ли до насъ эта фреска въ первоначальномъ видѣ, или же въ нѣсколько реставрированномъ. Древность фрескового изображенія князя доказывается и его костюмомъ и особенно верхнимъ издѣльемъ, застегивающимся пряжкой на правомъ плечѣ. А что фреска изображаетъ св. равноапостольнаго князя Владиміра, а не другаго князя или паря,—это доказывается тѣмъ, что фресковое изображеніе это соответствуетъ изображенію и наставленіямъ иконописныхъ подлинниковъ и болѣе позднимъ иконамъ св. Владиміра, гдѣ онъ изображается съ сѣдою бородою, въ двухъ одеждахъ—верхней багряной и нижней лазоревой, съ мечемъ въ лѣвой рукѣ, а иногда и съ крестомъ въ правой рукѣ, иногда четвероконечнымъ, а болѣею частію съ восьмиконечнымъ. Это—наиболѣе устойчивыя, типическія черты изображенія св. Владиміра, особенно мечъ въ лѣвой рукѣ, при бедрѣ.

Разсмотримъ теперь возраженія П. Д.—а или, что тоже, Цибульскаго.

1. П. Д., оспаривая древность разсматриваемой фрески и отношенія ея къ св. Владиміру, говоритъ, что хотя Успенскій храмъ во Владимірѣ на Клязьмѣ дѣйствительно былъ росписанъ фресковою живописью при Андрѣ Боголюбскомъ, но два раза потерпѣлъ отъ пожаровъ въ 1185 и 1238 годахъ и два раза подвергался преобразованіямъ и передѣлкамъ, послѣ чего, безъ сомнѣнія, не много могло уцѣлѣть (значить, все—таки уцѣлѣло что нибудь?) въ немъ изъ фресковой иконописи князя Андрея и даже изъ иконописи брата его, реставратора храма князя Всеволода, а вмѣсто ихъ, въ послѣдствіи, конечно, могла и должна была явиться новая иконопись русской суздальской школы. Мое замѣча-

ніе, что всё перестройки владимірскаго Успенскаго собора были такого рода, что онѣ не касались того столба, на которомъ сохранилась фреска съ изображеніемъ св. Владиміра, —осталось безъ возраженія. Но на другое мое замѣчаніе, что огненные и другія бѣдствія и перестройки, какимъ подвергался Успенскій соборъ во Владимірѣ на Клязьмѣ, знакомы и кіевскимъ храмамъ Софійскому, Михайловскому и Кирилловскому, въ которыхъ однако же сохранились фрески, П. Л. отвѣчаетъ: „ниоткуда неизвѣстно, чтобы древніе кіевскіе храмы—Софійскій, Михайловскій и Кирилловскій, въ которыхъ сохранились фресковыя изображенія XI и XII вѣва, когда нибудь подвергались внутреннимъ пожарамъ, подобно владимірскому Успенскому, двукратно выгорѣвшему внутри въ 1185 и 1238 гг., а въ послѣднемъ году даже нарочито выжженному татарами. Въ частности, если бы Кіево-Софійскій соборъ горѣлъ когда либо внутри, то алтарныя его мозаики ни въ какомъ случаѣ не могли бы уцѣлѣть“.

На это считаю нужнымъ отвѣтить, что я въ своей замѣткѣ имѣлъ въ виду не только огненные, но и другія бѣдствія и перестройки древнихъ кіевскихъ храмовъ съ фресковою живописью, между тѣмъ какъ П. Л. говоритъ только объ однихъ пожарахъ, и при томъ внутреннихъ. Да и въ этомъ ограниченительномъ смыслѣ возраженіе П. Л.—а не выдерживаетъ критики. Не вдаваясь въ подробное изслѣдованіе о всѣхъ пожарахъ, какимъ подвергались древніе кіевскіе храмы, укажемъ только на Кіево-Кирилловскій храмъ, реставрированный недавно, на нашихъ глазахъ. До начала XVII вѣка онъ находился въ запустѣніи и утратилъ свою мозаику въ алтарѣ, надъ горнимъ мѣстомъ, а по возстановленіи подвергся въ 1734 году пожару. Въ изданной мною „Запискѣ писаря кіевскаго магистрата Данилы Слюсарскаго о кіевскихъ событіяхъ съ 1734 по 1778 годъ“ говорится слѣдующее: „1734 года ноября 30 д. въ субботу въ время утреннего пѣнія оной Кирилловскій монастырь совсѣмъ зго-

рѣлъ, кромѣ церкви, да и на оной верхы погорѣли¹⁾). И не смотря на то, въ этомъ храмѣ все-таки сохранилась часть древнѣйшихъ, первоначальныхъ фресокъ XII вѣка, именно благодаря прочности подмазки и сухихъ красокъ фресковой живописи. Необходимо при этомъ замѣтить, что и во владимірскомъ Успенскомъ соборѣ фрески сохранились далеко не въ первоначальномъ своемъ составѣ и видѣ и въ значительной мѣрѣ утратились или пострадали отъ огненныхъ и другихъ бѣдствій, какимъ подвергался въ разное время этотъ соборъ. Если бы согласиться съ мнѣніемъ П. Д.—а о позднѣйшемъ происхожденіи стѣнной живописи владимірскаго Успенскаго собора, то пришлось бы подыскивать новыя позднія огневныя и другія бѣдствія этого храма, которыя были бы причиною утраты и порчи нѣкоторыхъ стѣнныхъ изображеній его.

Впрочемъ, это возраженіе П. Д.—а—чисто теоретическаго характера и теряетъ почти всякое значеніе въ виду положительныхъ фактовъ въ пользу древности и достовѣрности фрески.

2. „Что именно это—фреска, а не масляная живопись,— писалъ я,—въ этомъ отношеніи мы скорѣе повѣримъ Московскому Археологическому Обществу, на мѣстѣ принимавшему участіе въ возобновленіи живописи собора, чѣмъ г. Цибульскому, не выдавшему этой живописи“. На это П. Д. отвѣчаетъ: „Московское Археологическое Общество доселѣ не сказало еще своего слова ни о принадлежности св. Владимиру изображенія, открытаго во владимірскомъ Успенскомъ соборѣ, ни о древности этого изображенія, ни о томъ, что оно—фресковое, а не масляное. Самъ г. Петровъ въ своей статьѣ признаетъ, что во всемъ этомъ изображеніи какъ будто замѣтенъ сѣверно-русскій, суздальскій пошибъ иконописи“.

Ссылаясь на Московское Археологическое Общество,

¹⁾ „Кіевскія Епарх. Вѣдом.“, 1885 г., № 1, стр. 36.

я имѣлъ въ виду сообщеніе объ открытіи фресокъ во владиміревскомъ Успенскомъ соборѣ въ мѣстныхъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ за 1884 годъ. Отсюда видно, что всѣ фрески, открытыя во время внутренней реставраціи собора въ 1882—4 годахъ, одинаковаго письма, и особою наряженною археологическою Коммиссіею, подъ предсѣдательствомъ извѣстнаго археолога, нынѣ вице-президента Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества И. Е. Забѣлина, единогласно были признаны за фрески XII вѣка. Онѣ совершенно сходны по характеру письма, а нѣкоторыя совершенно сходны и во всѣхъ очертаніяхъ съ фресками XII вѣка въ Спасо-Передицкой и Старо-Ладожской церквахъ, близъ Новгорода. Сверхъ того, въ седмивѣковой древности ихъ найдено было особенно убѣдительное и, такъ сказать, осязательное доказательство: одна изъ этихъ фресокъ наполовину оказалась заложеною прикладкой, несомнѣнно устроенною великимъ княземъ Всеволодомъ III Юрьевичемъ въ 1185—1189 годахъ. Слѣдовательно, эти фрески написаны ранѣе 1185 года и несомнѣнно при самомъ строителѣ храма Андреѣ Боголюбскомъ, въ 1161 году ¹⁾. Въ одной изъ своихъ замѣтокъ П. Л. указывалъ на то обстоятельство, что въ альбомѣ снимковъ съ отгрыгыхъ во владиміревскомъ Успенскомъ соборѣ фресокъ, представленномъ г. Оберъ-Прокурору св. Синода и переданномъ имъ въ музей при Киевской духовной Академіи, нѣтъ изображенія св. Владиміра. Этимъ наводилось сомнѣніе, дѣйствительно ли стѣнное изображеніе св. князя однородно и одновременно съ остальными фресковыми изображеніями въ означенномъ соборѣ. На это Пав. Виноградовъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ отвѣчаетъ, что фреска, изображающая св. Владиміра, во время реставраціи 1882—4 годовъ, была открыта поздиѣ другихъ фресокъ, такъ какъ она была загорожена святительскимъ мѣстомъ, поэтому она и не была помѣщена въ

¹⁾ „Владимірскія Епарх. Вѣдом.“, 1884 г., № 4 и 22.

альбомѣ¹⁾. Не довольствуясь этими печатными свѣдѣніями, я лично и обратился въ Императорское Московское Археологическое Общество съ просьбою сообщить точныя свѣдѣнія объ интересующей насъ фрескѣ, вслѣдствие чего достопочтенный П. Е. Забѣлинъ написалъ мнѣ слѣдующее: „На вопросъ, предложенный Вами графинѣ П. С. Уваровой относительно фрески въ Успенскомъ соборѣ во Владимірѣ на Клязьмѣ, изображающей св. князя Владимира, могу Вамъ сообщить, какъ вполне достоверное, что о масляныхъ краскахъ въ этомъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи; ибо весь соборъ, гдѣ только сохранились еще изображенія, былъ покрытъ именно фресковою стѣнописью, которая мѣстами оказалась затертою штукатуркою и повсюду была покрыта довольно толстымъ слоемъ неоднократной покраски простою побѣлкою. И только на западной стѣнѣ подъ хорами древнія фресковыя изображенія страннаго суда были записавы, въ позднее время, изображеніями изъ Апокалипсиса, масляными красками. Фресковое изображеніе св. князя Владимира открыто на столпѣ за архіерейскимъ мѣстомъ, которое повидимому не одно столѣтіе наглухо закрывало эту фреску стоявшею тамъ иконою и досками своей стѣнки, вслѣдствие чего фреска не подвергалась покраскѣ и сохранялась въ достаточной цѣлости, какъ и открыта“.

Мое собственное замѣчаніе, на которое указываетъ П. Д., что во всемъ этомъ изображеніи какъ будто замѣтенъ сѣверно русскій, суздальскій пошибъ иконописи, вызвано было собственно изданнымъ въ „Холмской Руси“ изображеніемъ св. князя, которое воспроизведено художникомъ Барбитовымъ съ двухъ копій, акварельной, сдѣланной до реставраціи фрески, и фотографической, святой послѣ реставраціи ея Сафоновымъ, и потому едвали воспроизведено съ пунктуальною точностію. Впрочемъ, если бы слѣды суз-

¹⁾ „Московскія Вѣдомости“, 1888 г., № 302.

дальскаго пошиба оказались и на первоначальной фрескѣ, то и въ этомъ мы не нашли бы ничего удивительнаго: суздальскій пошибъ могъ существовать и, безъ сомнѣнія, существовалъ въ Суздальской Землѣ и въ XII вѣкѣ.

3. Третье возраженіе П. Л. слѣдующее: „Восьмиконечный крестъ изъ животворящаго древа, хранящійся въ Московскомъ Благовѣщенскомъ соборѣ, присланный якобы изъ Константинополя великому князю Киевскому Владимиру Мономаху императоромъ Константиномъ Мономахомъ вмѣстѣ съ шапкой, діадемой и сердоликовой чашкой, „изъ нея же веселился кесарь августъ римскій“, какъ значитъ въ русской подписи на семъ крестѣ, составляетъ весьма слабое доказательство существованія у насъ восьмиконечныхъ крестовъ въ XIII вѣкѣ. Происхожденіе его еще болѣе сомнительно, чѣмъ принадлежность Владимиру Мономаху шапки и бармъ, когда-то дѣйствительно слывшихъ подъ именемъ Мономаховыхъ. Г. Петровъ, вѣроятно, и не сталъ бы утверждать этого, если бы принялъ въ соображеніе, что Владимиръ Мономахъ при жизни Константина Мономаха былъ не великимъ княземъ, а всего двухлѣтнимъ ребенкомъ, когда даже и отецъ его Всеволодъ Ярославичъ не могъ еще думать о кievскомъ великокняжескомъ столѣ, и что умершій въ 1056 году императоръ Константинъ Мономахъ не могъ ни обмѣниваться подарками съ княземъ, родившимся за 4 года предъ тѣмъ въ Переяславѣ, ни угадать, чѣмъ онъ станетъ въ 1113 году“.

Чтобы показать смыслъ и значеніе этого возраженія, непонятнаго на первый взглядъ, считаю нужнымъ указать нить моихъ мыслей. Въ прежней своей замѣткѣ П. Л., оспаривая отношеніе рассматриваемой фрески къ св. Владимиру, указывалъ на то, что у князя въ рукѣ крестъ восьмиконечный, а не четвероконечный, между тѣмъ восьмиконечные кресты не были-де извѣстны у насъ въ Россіи до XII вѣка, а на Востокѣ нѣтъ-де ихъ и понынѣ. Въ отвѣтъ на это я привелъ буквальную выписку изъ „Исторіи Русской Церкви“

высокопреосвященнаго Макарія Булгакова, который при обзорѣннн каждого періода исторіи русской церкви говоритъ о богослуженіи и обрядахъ ея, и въ каждомъ періодѣ, до XVI вѣка включительно, указываетъ существованіе всѣхъ формъ креста, и четвероконечнаго, и шестиконечнаго, и семиконечнаго, и восьмиконечнаго ¹⁾. Приведенною выпискою я хотѣлъ, вопервыхъ, опровергнуть ту мысль П. Д.—а, будто бы у насъ въ древности былъ въ употребленіи и почитаніи одинъ только четвероконечный крестъ, и во вторыхъ доказать, что рядомъ съ четвероконечнымъ крестомъ у насъ почитались въ древности и кресты другихъ формъ, и между прочимъ восьмиконечный. Никакихъ доказательствъ въ пользу подлинности указываемаго восьмиконечнаго креста Мономахова и никакихъ историческихъ соображеній отъ себя я не прибавлялъ. Мнѣ хорошо извѣстны существующія возраженія противъ подлинности Мономахова креста и регалій ²⁾; но несомнѣнно также и то, что крестъ этотъ все же относится ко времени ранѣе XVI вѣка и слѣдов. опровергаетъ общую мысль П. Д.—а о томъ, будто бы восьмиконечные кресты не были извѣстны у насъ въ Россіи до XVI вѣка. Если П. Д.—у нужны спеціальныя доказательства древности у насъ въ Россіи восьмиконечнаго креста, именно до XVI вѣка,—то мы можемъ порекомендовать ему пересмотрѣть всѣ главы „Исторіи Русской Церкви“ высокопреосвященнаго Макарія о богослуженіи, обрядахъ и богослужебныхъ принадлежностяхъ Русской церкви. Съ своей стороны пока укажемъ нѣсколько восьмиконечныхъ крестовъ до XVI вѣка. Таковы: крестъ на схимѣ преп. Сергія Радонежскаго; крестъ, присланный преп. Сергію патріархомъ Цареградскимъ Алек-

¹⁾ См. „Исторію Русской Церкви“ Макарія, т. II, 1857 г., стр. 181 и 182. Въ прежней замѣткѣ мы цитовали эту главу по „Христіанскому Чтенію“, въ которомъ она первоначально была напечатана, такъ какъ, по случайнымъ обстоятельствамъ, не имѣла подъ руками самой исторіи.

²⁾ „Древнѣйшія русскія монеты великаго княжества кievскаго“, гр. И. И. Толстаго, С.-Петербургъ, 1862 г., стр. 183 и др.

сіемь ¹⁾, крестъ, которымъ преп. Сергій благословилъ великаго князя Дмитрія Донскаго на войну съ Мамаемъ ²⁾,— всѣ три XVI вѣка. Самъ П. Л. въ концѣ послѣдней своей замѣтки допускаетъ, что разсматриваемая фреска съ изображеніемъ св. князя и восьмиконечнаго креста въ его рукѣ могла быть написана во время возобновленія владимірскаго Успенскаго собора въ 1408 году, слѣдов., увлекшись полемикой, готовъ допустить существованіе у насъ въ Россіи восьмиконечнаго креста и раньше XVI вѣка. О нѣкоторыхъ другихъ доказательствахъ древности восьмиконечнаго креста скажемъ впоследствии.

4. „Нельзя также допустить,—говоритъ П. Л.,—чтобы могли у насъ изобразить въ церкви, на самомъ видномъ и поклонномъ мѣстѣ, вправо отъ царскихъ вратъ, князя, еще не признаннаго святымъ“.

На это, впервычъ, замѣтимъ, что св. князь во владимірскомъ Успенскомъ соборѣ, какъ оказывается, изображенъ не на лицевой сторонѣ алтарнаго столба, а „на одномъ изъ столповъ, поддерживающихъ главный трибунъ на среднѣ храма, правѣ архіерейской кафедрѣ и ближе къ алтарю, гдѣ выиѣ находится устроенное при императрицѣ Екатеринѣ II подъ балдахиномъ святительское мѣсто“ ³⁾. По вышеприведеннымъ словамъ И. Е. Забѣлина, „фресковое изображеніе св. князя Владиміра открыто на столпѣ за архіерейскимъ мѣстомъ, которое повидимому не одно столѣтіе наглухо закрывало эту фреску стоявшею тамъ иконой и досками своей стѣнки“. Слѣдов., разсматриваемая нами фреска не находилась на самомъ видномъ и поклонномъ мѣстѣ. Во вторыхъ, если и согласиться съ Е. Е. Голубинскимъ и П.

¹⁾ „Житіе и подвиги преп. и богоноснаго отца нашего игумена Сергія, игумена Радонежскаго и всея Россіи Чудотворца“, іером. Никона, Москва, 1885 г., стр. 106 и др.

²⁾ Статя В. З. Завитневича въ „Трудахъ Кіев. дух. Академіи“ за январь 1889 года.

³⁾ „Московскія Вѣдомостя“, 1888 г., № 302.

И. Малышевскимъ, что признаніе равноапостольнаго князя Владиміра святымъ и чествованіе памяти его впервые установлено въ Новгородѣ Александромъ Невскимъ послѣ невской побѣды 15 іюля 1240 года; то и въ такомъ случаѣ нельзя отвергать, что Владиміръ и до этого времени пользовался соответственнымъ церковнымъ почитаніемъ, какъ „блаженный“. А во имя „блаженныхъ“ у насъ на Руси строились и строятся даже особые храмы, какъ напр. московскій храмъ во имя Василя блаженнаго, Христа ради юродиваго¹⁾). Темъ болѣе они изображались и изображаются на иконахъ. Въ третѣихъ, мнѣніе гг. Голубивскаго и Малышевскаго о сравнительно позднемъ признаніи равноапостольнаго князя Владиміра святымъ еще оспаривается нѣкоторыми. Въ первой книжкѣ „Русскаго Филологическаго Вѣстника“ за настоящій годъ, именно по поводу статьи моея „о древнихъ изображеніяхъ св. Владиміра“, сказано: „Празднованіе памяти св. Владиміра должно было начаться въ Кіевѣ, и Владиміръ долженъ былъ явиться первоначально кіевскимъ мѣстнымъ святымъ (точно также какъ и Ольга); распространеніе его чествованія за предѣлы Кіева должно было начаться послѣ разрушенія Кіева Батыемъ, когда кіевскіе бѣглецы въ большомъ числѣ явились въ разныя русскія области и привесли съ собою новый культъ, съ житіемъ святаго (входящимъ въ составъ „Памяти“ Іакова) и службою. Время канонизаціи Владиміра, т. е. разрѣшенія духовнымъ начальствомъ Кіева мѣстнаго чествованія его памяти,—или конецъ XII вѣка, или скорѣе первая половина XIII вѣка, когда самостоятельная Кіевская лѣтопись прекратилась, и мы не имѣемъ свѣдѣній о мелкихъ кіевскихъ событіяхъ“²⁾).

5. Последнее возраженіе П. Л—а направлено противъ той моея мысли, что на фрескѣ изображенъ не св. Андрей

¹⁾ Нужно замѣтить, что слово „блаженный“ означаетъ не родъ подвига юродства, а низшую степень святости или, точнѣе,—канонизаціи.

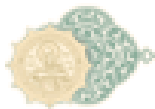
²⁾ „Русскій Филологическій Вѣстникъ“, 1889 г., № 1, стр. 142—143.

Боголюбскій, какъ утверждаетъ П. Л. Эту мысль я утверждалъ на показаніи иконописнаго подлинника, въ которомъ описаніе внѣшняго вида или изображенія Андрея Боголюбскаго не совпадаетъ съ фресковымъ изображеніемъ св. князя во владимірскомъ Успенскомъ соборѣ. Въ опроверженіе моего мнѣнія, П. Л. теперь старается доказать, что на фрескѣ изображенъ если не св. Андрей Боголюбскій, то, можетъ быть, литовскій князь св. Довмонтъ, но никакъ не св. равноапостольный князь Владиміръ.

„Описанія внѣшняго вида святыхъ въ нашихъ иконописныхъ подлинникахъ,—пишетъ П. А.,—никакъ нельзя считать копировкой ихъ портретовъ или подлинными ихъ изображеніями: многія изъ нихъ—не болѣе, какъ догадки иконописцевъ. Поэтому, основываясь на нашихъ иконописныхъ подлинникахъ, нельзя утверждать, что открытое во владимірскомъ Успенскомъ соборѣ изображеніе князя не есть портретъ великаго князя владимірскаго св. князя Андрея Боголюбскаго. Мы, впрочемъ, и не стоимъ за то, что это было его изображеніе... Кто этотъ князь,—говоритъ нашъ оппонентъ въ другомъ мѣстѣ,—трудно рѣшить по недостатку опредѣленныхъ данныхъ. Но мечъ при его бедрѣ, весьма сходный по своей отдѣлкѣ съ мечемъ литовскаго князя св. Довмонта, сохраняющимся донынѣ въ псковскомъ Троицкомъ соборѣ надъ его гробницею, даетъ основаніе предполагать, что это—изображеніе св. князя Довмонта, написанное во время возобновленія владимірскаго Успенскаго собора въ 1408 году, при великомъ князѣ Василіѣ Дмитріевичѣ, который былъ женатъ на литовской княжнѣ Софѣ Витовтовнѣ“.

На это мы прежде всего отвѣтимъ словами Пав. Виногоградова въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“. Этотъ очевидецъ возобновленія фресокъ владимірскаго Успенскаго собора, указавъ на совершенное сходство всѣхъ открытыхъ фресокъ, изъ коихъ одна на половину оказалась заложенною пристройкой великаго князя Всеволода III Юрьевича въ

1185—1189 годахъ, и слѣдов. несомнѣнно написана ранѣе 1185 года, при самомъ строителѣ храма Андрей Боголюбскомъ, продолжаетъ: „если несомнѣнно, что фреска написана при жизни св. великаго князя Андрея, то очевидно, что на фрескѣ изображается не онъ самъ. При предположеніи, что на фрескѣ изображенъ св. Андрей Боголюбскій, авторы статей въ „Кіевской Старинѣ“ вводятъ въ заблужденіе тѣмъ, что полагаютъ, будто бы фреска находится близъ гробницы св. Андрея Боголюбскаго. Но фреска находится вовсе не близъ древней гробницы св. Андрея: древняя его гробница находилась въ сѣверномъ придѣльномъ алтарѣ собора; по объявленіи, св. мощи благовѣрнаго князя поставлены на столѣ у этого алтара, и только послѣ новой реставраціи въ 1884 году гробница его поставлена съ лѣвой стороны архіерейской каедръ, на срединѣ храма“¹⁾.

Если несомнѣнно, что фреска написана при жизни св. великаго князя Андрея Боголюбскаго; то очевидно, что на ней не могъ быть написанъ и другой позднѣйшій святой князь Довмонтъ—Тимоей, скончавшійся въ 1299 году²⁾. Онъ не могъ быть написанъ здѣсь и въ 1408 году при великомъ князѣ Василю Дмитріевичѣ, женатомъ на литовской княжнѣ Софѣ Витовтовнѣ. Мой оппонентъ, повидимому, судитъ о канонизаціи русскихъ святыхъ по человѣческимъ житейскимъ отношеніямъ и поставляетъ ее въ зависимость отъ княжескихъ родственныхъ отношеній. Но если бы даже и согласиться съ его точкою зрѣнія, то и въ такомъ случаѣ представляется невѣроятнымъ, чтобы великій князь Василій Дмитріевичъ ввелъ въ московскомъ государствѣ чествованіе св. Довмонта по родственнымъ отношеніямъ, потому что этихъ отношеній вовсе не существовало: св. Довмонтъ происходилъ не изъ одной династии съ Софѣей Витовтовной и

¹⁾ „Московскія Вѣдомости“, 1888 г., № 302.

²⁾ „Мѣсяцесловъ православной католической церкви“, Ив. Косолапова, Сямбирскъ, 1880 г., стр. 716.

прославился святостию жизни не въ Литвѣ, а въ Псковѣ. При томъ же, канонизація русскихъ святыхъ совершалась не князьями, а представителями Русской церкви и ея соборами. До XVI вѣка св. князь Довмонтъ—Тимоѳей не былъ призванъ общерусскимъ святымъ, равно какъ не канонизованъ онъ и на московскихъ соборахъ 1547 и 1549 гг., специально занимавшихся дѣломъ канонизаціи¹⁾, хотя безъ сомнѣнія пользовался мѣстнымъ почитаніемъ въ Псковѣ. Въ первый разъ мы встрѣчаемъ имя св. Довмонта—Тимоѳея въ „Книгѣ, глаголемой Описаніе о россійскихъ святыхъ“, и проч., представляющей перечень русскихъ святыхъ по мѣстамъ ихъ жизни и прославленій, которая составлена въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка. По „Иконописному подлиннику“, св. Довмонтъ—Тимоѳей „старъ, сѣдъ, брада аки Григорія Богослова, главою мало плѣшивъ, ризы на немъ княжескія, шуба багряная, въ рукъ шапка княжеская; иждъ пишутъ брада аки Іоанна Богослова, власы на главѣ аки Іліа пророка“²⁾. Но ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ это наставленіе „Иконописнаго подлинника“ не соотвѣтствуетъ изображенію св. князя на фрескѣ во владимірскомъ Успенскомъ соборѣ.

То правда, что описанія вѣшняго вида святыхъ въ нашихъ иконописныхъ подлинникахъ нельзя считать копировкой ихъ портретовъ, такъ какъ у насъ въ Россіи не было въ древности и портретной живописи, если не относить къ ней лишеныя художественнаго стиля изображенія монетныя и извѣстное изображеніе Святославова семейства въ такъ называемомъ Святославовомъ Изборникѣ. Но той же причинѣ не могло быть у насъ и вполнѣ точныхъ, подлинныхъ, портретныхъ изображеній святыхъ на иконахъ. Но отсюда никакъ не слѣдуетъ, что-

¹⁾ „Полный Мѣсяцесловъ Востока“, архим. Сергія, т. I, прилож. 15 и др.; „Соборы 1547—1549 годовъ“, В. Васильева, въ „Христіанскомъ Читеніи“ за январь—февраль и мартъ—апрѣль 1889 года.

²⁾ „Книга глаголемая Описаніе о россійскихъ святыхъ“ и проч., изд. гр. М. В. Толстаго, Москва, 1888 г., стр. 3 и 50.

бы наши иконописцы писали изображенія святыхъ по личному усмотрѣнію и произволу: иначе, изображенія одного и того же святаго были бы разнообразны до безконечности, какъ разнообразны вкусы отдѣльныхъ иконописцевъ. Напротивъ, мы видимъ, что всѣ они болѣе или менѣе слѣдуютъ разъ выработавшемуся, установившемуся типу изображенія извѣстнаго святаго, составленному или на основаніи біографическихъ данныхъ о внѣшнемъ видѣ извѣстнаго святаго, какъ напр. Іоанна Златоуста, Саввы Освященнаго и др., или по домыслу первоначальнаго иконописца, но то же на чѣмъ нибудь основанному. Позднѣйшіе иконописцы лишь работѣ слѣдовали разъ установившимся такъ или иначе образцамъ, которые завесены были, наконецъ, въ такъ называемые иконописные подлинники, служившіе руководствомъ для иконописцевъ. Отсюда объясняется то удивительное сходство, какое наблюдается между отдѣльными древними иконами, съ одной стороны, и соответствующими наставленіями и образцами иконописныхъ подлинниковъ—съ другой. Такъ, напр., характерное, типическое изображеніе святаго Николая совершенно одинаково какъ на отдѣльныхъ иконахъ, такъ и въ иконописныхъ подлинникахъ. Поэтому, если встрѣтится какая либо не надписанная икона, то ее можно узнать и опредѣлить какъ по другимъ сходнымъ иконамъ, такъ и по иконописному подлиннику. Въ данномъ случаѣ ни я, ни П. Л. не имѣли подъ руками иконъ ни св. князя Андрея Боголюбскаго, ни св. князя Довмонта—Тимоеея Псковскаго, но имѣемъ опредѣленное указаніе иконописныхъ подлинниковъ на то, что ни тотъ, ни другой св. князь не изображался такъ, какъ изображенъ св. князь на фрескѣ владимірскаго Успенскаго собора. Если мы оставимъ почву положительныхъ свидѣтельствъ иконописныхъ подлинниковъ о внѣшнемъ видѣ или способѣ изображенія извѣстныхъ святыхъ, то откроется мѣсто полному произволу и неосновательнымъ догадкамъ въ опредѣленіи святыхъ на ненадписанныхъ иконахъ и изображеніяхъ.

Въ заключеніе П. Д. опять утверждаетъ, что фресковое изображеніе св. князя во владимірскомъ Успенскомъ соборѣ „переписано кистью суздальскаго иконописца, и что ни въ какомъ случаѣ оно не можетъ быть признано изображеніемъ св. Владимира и притомъ древнѣйшимъ, потому что на всѣхъ извѣстныхъ намъ древнихъ изображеніяхъ св. Владимиръ представленъ съ четвероконечнымъ крестомъ, а не съ осмиконечнымъ. Такъ, съ четвероконечнымъ крестомъ онъ изображенъ на своихъ монетахъ, на стѣнѣ новгородской Феодоровской церкви 1369 года и въ спискѣ сказанія XIV вѣка о свв. мученикахъ Борисѣ и Глѣбѣ“. П. Д. обвиняетъ меня даже въ подтасовкѣ фактовъ и чуть ли не въ злонамѣренной защитѣ древности восьмиконечнаго креста. „Говоря обо всѣхъ этихъ изображеніяхъ,—продолжаетъ П. Д.,— г. Петровъ упоминаетъ и даже перечисляетъ всѣ ихъ детали, но тщательно умалчиваетъ, какой на нихъ формы крестъ у св. Владимира и у представленныхъ съ нимъ сыновей его Бориса и Глѣба, тогда какъ не забываетъ сказать, что на иконѣ (неизвѣстнаго времени) изъ филаретовской коллекціи въ музей Киевской духовной Академіи св. Борисъ, а въ иконописныхъ святцахъ XVII вѣка св. Владимиръ изображены съ осмиконечнымъ крестомъ. Такимъ образомъ не слѣдовало бы убѣждать читателя въ древности осмиконечнаго креста, а затѣмъ и въ древности изображеніе св. Владимира, открытаго во владимірскомъ Успенскомъ соборѣ“. Указавъ затѣмъ нѣсколько древнихъ крестовъ четвероконечной формы, которой я никогда и не думалъ отвергать, П. Д. опять читаетъ мнѣ нотацію въ слѣдующихъ словахъ: „вспомнивши это, не трудно бы догадаться, какой крестъ, четвероконечный, или осмиконечный, долженъ быть въ рукѣ св. Владимира на подлинномъ его изображеніи, и отсюда заключить, насколько можетъ быть древнимъ промытое на алтарномъ столбѣ владимірскаго Успенскаго собора изображение неизвѣстнаго князя“.

Послѣ всего сказаннаго нами выше о древности фрески во владимірскомъ Успенскомъ соборѣ, заключительныя разсужденія П. Д.—а не могутъ имѣть для насъ никакого научнаго значенія, и мы ихъ касаемся только для того, чтобы снять съ себя незаслуженныя нареканія и обвиненія, возводимыя на насъ оппонентомъ. Изъ вѣсколькихъ типическихъ чертъ изображенія св. равноапостольнаго князя Владиміра, нами указанныхъ, П. Д. остававливаетъ свое вниманіе только на одной изъ нихъ, именно на крестѣ въ рукѣ, принимая ее съ тенденціозною односторонностію и утверждая, что крестъ этотъ непременно долженъ быть четвероконечный. Но въ подтвержденіе своего положенія П. Д. приводитъ факты или сомнительные, или вовсе несуществующіе. О монетномъ изображеніи Владиміра съ четвероконечнымъ крестомъ въ рукѣ, на которое ссылается П. Д.,—въ концѣ прошлаго года появилось специальное изслѣдованіе Н. Чернева, который доказываетъ, что монеты съ именемъ Владиміра кіевскаго типа принадлежатъ великому князю кіевскому Владиміру Мономаху, а монеты нѣжинскаго типа—черниговскому князю Владиміру Давидовичу, XII вѣка ¹⁾). Слѣдовательно, при настоящемъ положеніи вопроса объ этихъ монетахъ, во всякомъ случаѣ древнихъ, онѣ могутъ служить лишь однимъ изъ доказательствъ употребленія въ древности четвероконечнаго креста, противъ чего никто и не споритъ. Затѣмъ, въ спискѣ сказанія XIV вѣка о свв. мученикахъ Борисѣ и Глѣбѣ св. равноапостольный князь Владиміръ изображенъ безъ всякаго креста, и потому я не могъ остававливаться на описаніи этого не существующаго на дѣлѣ атрибута: подтасовка фактовъ въ

¹⁾ „Замѣтки о древнѣйшихъ русскихъ монетахъ“ Н. Чернева, С.-Петербургъ, 1888 года. Правда, недавно появилось возраженіе г. Черневу подъ заглавіемъ: „Два-три возраженія г. Черневу на его замѣтки о древнѣйшихъ русскихъ монетахъ, Кіевъ, 1889 года“; но эти возраженія показались намъ нисколько не убѣдительными.

данномъ случаѣ дѣйствительно существуетъ, но принадлежитъ не мнѣ... Изображеніе св. Владиміра со сыновьями Борисомъ и Глѣбомъ на стѣнѣ новгородской Θεодоровской церкви 1369 года, значительно попорченное, сохранилось безъ надписей и потому въ логическомъ отношеніи составляетъ еще неизвѣстную величину, которою нельзя доказывать или опровергать другой неизвѣстной же величины. Сюжетъ фресковаго изображенія въ новгородской Θεодоровской церкви опредѣленъ по догадкѣ покойнаго Из. Ив. Срезневскаго и описанъ мною съ его словъ. Умалчивать намѣренно о формѣ креста въ рукахъ свв. Владиміра и Глѣба на этомъ изображеніи я не имѣлъ никакого побужденія, такъ какъ общая мысль моя состоитъ въ томъ, что св. равноапостольный князь Владиміръ изображался и долженъ быть изображаемъ съ крестомъ въ рукѣ, какой бы формы онъ ни былъ. Но, обозрѣвая извѣстныя изображенія св. Владиміра съ крестомъ той или другой формы, я утверждалъ, что обѣ онѣ употреблялись на практикѣ, но восьмиконечная чаще четверокопечной. Въ подтвержденіе этой мысли, кромѣ фрески владимірскаго Успенскаго собора, я указывалъ на икону свв. Владиміра, Бориса и Глѣба, а не одного св. Бориса, и притомъ не неизвѣстнаго времени, какъ пишетъ П. Д., а XVI вѣка, также на иконописные святцы XVII вѣка, гдѣ св. Владиміръ изображенъ съ восьмиконечнымъ крестомъ, и на лицевой иконописный подлинникъ, съ аналогичнымъ изображеніемъ св. Владиміра. Этими примѣрами я, между прочимъ, хотѣлъ показать, что восьмиконечный крестъ—вовсе не такое недостойное орудіе или знаменіе, чтобы его нельзя было дать въ руки св. равноапостольному князю Владиміру, и что присутствіе его на фрескѣ владимірскаго Успенскаго собора нисколько не препятствуетъ признать въ изображенномъ на немъ князѣ св. Владиміра. Разумѣется при доказательствѣ этой мысли, я вовсе не нуждался въ детальномъ описаніи четверокопечнаго креста на настѣнномъ изображеніи въ новгородской Θεодоровской церкви. Да и странно было

бы доказывать известную мысль указаніемъ на несогласные съ нею, исключительные и притомъ сомнительные факты!

Вообще восьмиконечный крестъ составляетъ для П. Л.—а скрытый мотивъ, побуждающій его иногда противорѣчить очевидной истинѣ. По видимому, П. Л. держится того убѣжденія, будто восьмиконечный крестъ появился у насъ въ Россіи не ранѣе XVI вѣка, когда складывался раскольнический такъ называемый старообрядческий кругъ воззрѣній на церковную обрядность, и составляетъ выдумку мнимыхъ старообрядцевъ, не существовавшую до XVI вѣка и не принимавшуюся православною церковью. Въ этомъ убѣжденіи только то одно и вѣрно, что восьмиконечный крестъ, по мнѣнію археологовъ, действительно явился позднѣе другихъ формъ креста, и собенно четвероконечной, какъ завершеніе художественной исторіи креста, въ которомъ нашли себѣ соответствующее выраженіе не только изображеніе орудій распятія, но и представленіе страждущаго Спасителя, со всѣми подробностями обстановки. Но это завершеніе художественной исторіи креста произошло не въ Россіи, а еще въ Греціи. Около 600 года преподобный Анастасій Синаитъ написалъ полемическое сочиненіе противъ акефаловъ, одной изъ сектъ монофизитскихъ, къ которому приложилъ изображеніе восьмиконечнаго креста съ распятіемъ, заимствуя отсюда свои доводы противъ монофизитовъ¹⁾. Въ Россію перешли уже готовыми всѣ формы креста, а въ ихъ числѣ и восьмиконечный крестъ. Последній, повидимому, получилъ даже преимущественное развитіе на окраинахъ православнаго міра, соприкасававшихся съ католическимъ міромъ, въ отличіе отъ католическихъ формъ креста. Достопочтенный галицко-русскій дѣятель, протоіерей Іоаннъ Наумовичъ, увѣряетъ, что въ предѣлахъ нынѣшней Галиціи восьмиконечный крестъ употребляется со временъ введенія здѣсь

¹⁾ „Изъ исторіи изображеній св. креста“, А. Голубцова, въ первой книгѣ „Прибавленій къ твореніямъ св. отцевъ“, за 1889 годъ.

христіанства и служилъ и служить характеристическимъ, отличительнымъ вѣшнимъ признакомъ православія. „Римская курія,—говорить о. Наумовичъ,—запретила употребленіе восьмиконечнаго креста, который чтили у насъ со время введенія христіанства! Стоящіе осьмиконечные кресты должно удалить и,—сказано,—*безъ соблазна*; но бывало и такъ, что были приказанія ихъ обрѣзывать, и бывали такія обрѣзванія“¹⁾. Споры о той или иной формѣ креста возникли у насъ въ Россіи вслѣдствіе столкновенія въ объединявшейся Россіи разнообразныхъ до произвола мѣстныхъ, областныхъ церковныхъ обычаевъ и обрядовъ, и стремленія церкви регулировать область вѣшнихъ обрядовъ и привести все ихъ разнообразіе къ опредѣленной нормѣ, по образцу греческой церкви. И сущность нашего раскола, такъ называемаго старообрядческаго, состоитъ не столько въ той или иной формѣ вѣшнихъ обрядовъ, богослужебныхъ принадлежностей и священныхъ предметовъ почитанія, сколько въ недовинженіи мнимыхъ старообрядцевъ св. православной церкви, какъ это признано и правилами о единовѣрїи, утвержденными св. Синодомъ. По нашему глубокому убѣжденію, оправданному опытомъ, такой взглядъ на сущность раскола нашихъ заблуждающихся отщепенцевъ скорѣе можетъ образумить ихъ, чѣмъ упорное отрицаніе очевидныхъ фактовъ существованія у насъ въ древности восьмиконечнаго креста. По обязанностямъ блюстителя церковно-археологическаго музея при Киевской духовной Академіи, мнѣ нерѣдко приходится имѣть дѣло съ раскольниками старообрядцами, посѣщающими музей, и бесѣдовать съ ними о спорныхъ предметахъ. При видѣ восьмиконечнаго креста или двуперстія, они обыкновенно восклицаютъ: „такъ подобаетъ изображати св. крестъ! такъ подобаетъ вѣрститися“. Въ отвѣтъ на это,

¹⁾ „Рѣчь протоіерея Наумовича“, сказанная въ Петербургѣ, въ Славянскомъ Обществѣ. См. „Московскія Вѣдомости“, 1888 г., № 343, стр. 4, столб. 2.

я, избѣгая по возможности споровъ, указываю на древніе образцы другихъ формъ креста и перстосложенія и присовокупляю, что тѣ и другія формы креста и перстосложенія встрѣчаются не только въ древности, но и въ современныхъ православныхъ храмахъ, и приняты правилами о единствѣри, утвержденными св. Синодомъ, и что сущность раскола состояла и состоитъ въ неповиновеніи раскольниковъ православной церкви, а не въ такой или иной вѣтшней обрядности самой по себѣ. Въ большинствѣ случаевъ мои объясненія дѣлали мнимыхъ старообрядцевъ безотвѣтными.

Бросая заключительный взглядъ на предметъ нашего спора, я дѣлаю на основаніи предыдущихъ розысканій, слѣдующіе выводы: 1) настѣнное изображеніе св. князя во владимірскомъ Успенскомъ соборѣ есть несомнѣнно древнее фресковое; 2) оно сходно и одновременно съ другими фресковыми изображеніями въ томъ же соборѣ, изъ коихъ нѣкоторыя несомнѣнно написаны при строителѣ храма Андреѣ Боголюбскомъ въ 1161 году; 3) поэтому на фрескѣ изображенъ св. князь, жившій и прославившійся до Андрея Боголюбскаго, но никакъ не самъ Андрей Боголюбскій, ни св. Довмонтъ—Тимофей, ни кто либо другой изъ позднѣйшихъ св. князей; 4) судя по типическимъ чертамъ изображенія, оно представляетъ собою св. равноапостольнаго князя Владиміра, просвѣтителя Руси, пользовавшагося церковнымъ почитаніемъ еще до 1161 года; 5) этому заключенію не препятствуетъ и форма восьмиконечнаго креста въ рукѣ св. князя, хотя и позже другихъ формъ развившаяся въ Византіи, но извѣстная у насъ въ Россіи въ глубокой древности, задолго до XVI вѣка.

Н. Петровъ.